

Борис ГУЦИН

г. Петрозаводск



Ёлка с классиком

1966 год оказался для меня во многом судьбоносным. Моя жена Виола в июне защитила диплом на тему «Вольтер и Россия», а заодно и родила дочку Юлю. В декабре она устроилась на работу в музей «Киж», с которым мы связали всю свою дальнейшую жизнь. Я отстал от жены на год, продолжал учиться на 5 курсе истфака ПетрГУ и готовился стать няней для своей полугодичной дочери, благо впереди у меня было свободных полгода, даваемых на подготовку к диплому. Можно было его и не писать, но тогда дополнительно нужно сдать два экзамена: всеобщую историю и методику преподавания истории в школе, что я и выбрал.

Проблем с местом встречи Нового 1967 года у нас не было. Наш студенческий друг Саша (Шурик) Степанов пригласил нас к себе в семью. Саша был сыном начинающего уже прославляться будущего классика карельской литературы Артёма (Ортьё) Степанова, только что переехавшего со всей семьёй в Петрозаводск из посёлка Калевала, где он начал свою творческую деятельность. Степановы получили квартиру в двухэтажном деревянном доме на улице Фурма-

нова, почти сразу за вокзалом, только перейди железнодорожный мост.

С Шуриком мы вместе поступили в вуз в 1961 г., учились на параллельных курсах (мы на историческом, он на филологическом) и жили в студенческом общежитии на Анохина, 24, в соседних комнатах. Саша был добрый компанейский парень, а застольные компании образовывались у нас часто, тем более что недалеко от общаги был довольно-таки недорогой ресторан III (низшего) разряда «Онего», и очень часто мы «паслись» именно там. А чего нам там было не «пастись», если на 1 рубль можно было взять полпорции картофельного супа с фрикадельками, гигантские биточки по-казацки и стакан чая. Алкогольный вариант звучал так: триста граммов портвейна и винегрет. В общежитии же никто никогда и ничего не готовил. Разве что иногда на день рождения кто-то из девчонок что-то там в бытовой комнате жарил-парил и резал салат (в прямом, а не в переносном смысле слова).

Так что стипендии и переводов от родителей нам постоянно не хватало. Вот тут-то многодетный, обаятельный и улыбчивый Шурик всег-

да предлагал пойти по друзьям отца с целью взять в долг определённую сумму. Поэтому естественно, что я знал места жительства всех тогдашних классиков карельской литературы, писавших на финском языке. Я знал в лицо... двери квартир Антти Тимонена, Яакко Ругоева, Николая Гиппиева, Пекки Пертту, Ульяса Викстрема и других столь же славных писателей. Самих же классиков в то время я никогда не видел, и, допустим, встретив на улице Николая Гиппиева, я никогда бы не узнал поэта.

Происходило так. Мы с Шуриком подходили к их квартирам, он звонил, заходил, а я оставался у дверей. Через некоторое время мой друг выходил – всегда с улыбкой и деньгами («Отец отдаст»).

Так что меня вскормили и вспоили классики карело-финской литературы.

Отец отдаст.

Впервые я увидел Артёма Михайловича в нашей 32-й комнате, когда мы большой компанией, в которой был и Саша, пили (к счастью!) чай. Отворилась дверь, и вошёл плотный, круглолицый, краснолицый (и как мне показалось – злющий) мужчина. Не сказав ни слова, он ткнул в сторону Шурика пальцем, согнул палец и помянул сына, отступая к двери. Бедный Шурик на полусогнутых поплёлся вслед за родителем. Вернулся Саня весьма опечаленный и молчаливый, что по жизни ему не было свойственно, тем более что отец накормил его в «Северном» хорошим обедом. Похоже, что не только обедом.

В 1962 году в Петрозаводске были впервые организованы курсы официантов. Мужчинам отдавалось предпочтение. Шурик счёл, что это его призвание, и пошёл в деканат забирать документы, чтобы подать их на курсы.

Декан Сергей Павлович Сюнёв сказал ему примерно следующее:

– Как тебе на стыдно, Степанов, далеко не бездарному студенту, сыну карельского писателя, поступать на какие-то курсы официантов.

На что Шурик вполне резонно ответил:

– А скажите мне, Сергей Павлович, какое у вас распределение? Леппясяся, Леппясюрья, Суйсарь. А у нас – «Шпиль», «Онего», «Кивач», «Северный», «Волна». Сами понимаете, где лучше.

Саня окончил курсы и поступил на работу в кафе «Весна» (сейчас там «Дежавю»). Бывало, приходишь, садишься за столик, подходит Шурик с блокнотиком и карандашиком за ухом и, не давая тебе сказать ни слова, огорошивает:

– Боб, меня опять надули.

Официанта из Шурика явно не получилось. Кажется, он проработал всего два месяца и уволился.

Но оптимист Саня менял работу за работой и, как мне кажется, на любом месте он работал с удовольствием и интересом.

К 1967 году у Ортьё Степанова была несколько странноватая писательская слава. Странноватая потому, что его уже знали и читали финноязычные читатели и писатели; на русском же языке его никто не читал, переводов пока ещё не было. Я зауважал Ортьё Степанова авансом, не читая ни единой его строчки. И вот как это произошло. Окончив в 1958 году 10-й класс в посёлке Умба Терского района Мурманской области, тем же летом я услышал по радио совершенно необыкновенную передачу: какой-то молодой человек разбередил мою душу рассказом о своей первой любви к девушке Лиле. В конце передачи диктор сказал:

– Вы прослушали рассказ Юрия Казакова «Голубое и зелёное».

С этого дня Казаков стал одним из моих любимых писателей.

И в 1962 году в журнале «Знамя» я читаю его очерк «Калевала», где главным героем был именно Ортьё Степанов. Правда, сейчас я воспринимаю этот очерк, как и всё казаковское, как лирический рассказ с обаятельным героем, несущим на себе весь груз эпических калевальских традиций. Причём груз этот он на себя не взваливал, он его просто-напросто генетически получил от предков. Юрий Казаков видит Ортьё Степанова «добродушным, круглолицым и весёлым». Именно Ортьё объединяет на исполнение рун «Калевалы» последних сказительниц-классиков Марию Михееву и Татьяну Перттунен. В рассказе Казакова я воспринимаю их вместе с Ортьё как трио. «Ортьё ворочается, жмурится, кряхтит от удовольствия. Ему хорошо, завидую я ему – он всё понимает, он как бы пробует на вкус все эти прекрасные слова, и сладки они ему!»

Так что 31 декабря 1966 года мы с коляской, в которой лежала маленькая Юленька, шли к нашим друзьям Саше и его брату Володе, студенту лесоинженерного факультета ПетрГУ (Володя был моложе Саши на два года), и их младшему брату восьмикласснику Мише (возраст Миши не позволял ему участвовать в наших похождениях). Позже, уже будучи основателем и директором музея-усадьбы Ортьё Степанова в деревне

Хайколя Калевальского района на родине писателя, Миша как-то на моё предложение отметить встречу ответил:

– Я совсем не пью. За меня мои братья выпили.

К сожалению, давно уже нет ни Саши, ни Володи.

В предвкушении встречи с Артёмом Михайловичем у меня по спине пробежали мурашки. Во-первых – классик, во-вторых – воспоминание о его родительском визите в общежитие. Как начнёт ещё всех нас троих воспитывать! Миша не в счёт. Мал ещё.

Я шёл, бубня про себя заученную финскую фразу: «Onnelisto Uutta Vuotta». Поздравляю, мол, вас с Новым годом. Фраза была заучена специально для мамы Артёма Михайловича Анны Оховны, которая, по словам Шурика, ни слова не понимала по-русски.

Страхи мои оказались напрасными. Нас встретили тепло и по-доброму, что свойственно всем членам семейства Степановых (включая и будущих невесток). Внешняя суровость Артёма Михайловича оказалась обманчивой. Под ней скрывалась та же доброжелательность, что была у его жены Зои Александровны и мамы.

Нам открыла улыбающаяся бабушка. Я с выражением произнес заученную фразу, на что Анна Оховна приветливо ответила мне длиннющей тирадой, из которой я понял только то, что все они рады видеть нас в своём доме. Да и то понял в основном по интонации. Приветливости же Артёма Михайловича одновременно сопутствовала какая-то глубокая задумчивость, которую я тут же списал на постоянные творческие помыслы. Откуда мне было знать, что уже сложившийся писатель Ортьё Степанов не был ещё принят в члены Союза писателей, хотя и занимал, казалось бы, высокую, но малооплачиваемую должность ответственного секретаря журнала «Punalippi». Не знал я и того, что Москва только что отвергла один из двух киносценариев писателя. Не знал я и того, что О. Степанова не очень-то жаловало всяческое партийное начальство. Обо всём этом достаточно подробно можно прочесть в монографии Юрия Дюжева «Народный писатель Карелии Ортьё Степанов» (Петрозаводск, 2010). Были и радости. Именно в 1966 году на финском языке был опубликован «Поединок в таёжной деревне». Близился к концу роман-эпопея «Родичи». Мне же до того новогоднего вечера Ортьё Степанов казался ортодоксальным большевиком, но с налётом правдоискательства.

Только сейчас я задумываюсь о разных судьбах двух писателей – Дмитрия Балашова и Ортьё Степанова. Почему одного у нас в Карелии гнобили; второго вынуждены были терпеть, постепенно делая из него классика. И это несмотря на то, что с 1963 года Ортьё Степанова в высших партийных кругах стали называть «клеветником» и «тунеядцем» (А.М. Степанов в то время какой-то период нигде не работал). Наверное, у некоторых деятелей руки чесались, чтобы сделать из него второго Иосифа Бродского. Прямо скажем, поводы для этого были. Но, в отличие от аполитичного Бродского, Ортьё Степанов был коммунистом. В январе 1963 г. он отправил Н.С. Хрущёву письмо, где были такие строки: «Несколько лет назад я дал слово представителю государственной безопасности капитану Юплову в том, что я не буду никому говорить или писать о своих «крамольных» мыслях о проводимой национальной политике в Карелии. Нарушаю своё слово и пишу Вам...

...Берите любую и на любую тему статьи из газет. Так и пестрит: «Хрущёв сказал, Никита Сергеевич говорил...» И часто статьи подгоняют под Ваши высказывания. Создаётся впечатление, будто у нас в партии что-то дельное может сказать только Хрущёв...

...Гордостью национальной культуры карел является народный эпос «Калевала»... Карельским детям надо бы знать «Калевалу». Однако в школьных программах нет ни одного звука о «Калевале»».

Мне кажется, что партийные органы не могли справиться с А.М. Степановым только потому, что он уже много лет был членом ВКП(б) – КПСС, человеком, верящим в самые высокие коммунистические идеалы, и стремился к их осуществлению. Вспомним, что в 1956 году после XX съезда КПСС обвинить огульно в идеологических преступлениях члена партии было исключительно сложно. У местных обкомовцев ума на это явно не хватало. Но нервов писателю они в 1950 – 1960-е годы испортили немало.

С Дмитрием Балашовым, на мой взгляд, было несколько проще. Он не был членом КПСС. И если карельского патриота, члена КПСС объявить отщепенцем не получилось, то беспартийного русского патриота Д. Балашова совершенно несправедливо на какой-то срок удалось «назначить» антисоветчиком. Несмотря на это, Дмитрий Балашов вопреки желаниям некоторых (в том числе и коллег) не стал антисоветчиком и

антикоммунистом. Всем своим творчеством, всеми делами он постоянно радел за страну, в которой жил и работал, называлась ли она Советский Союз или Россия. То есть я хочу сказать, что, несмотря на жёсткую критику руководителей страны и их деятельности, ни Д. Балашов, ни О. Степанов ни в коей мере не являлись диссидентами и не примыкали к ним никогда. А желание тогдашнего руководства пристегнуть к диссидентам многих деятелей культуры нашей страны, работавших именно во славу страны («Люблю отчизну я, но странною любовью!»), непонятно мне и до сих пор.

Ничего такого я не знал и не подозревал 31 декабря 1966 года, садясь за новогодний стол в доме Степановых. Юленька спокойно лежала в комнате бабушки, куда время от времени выходила Виола. Маленькая Юля была на редкость спокойным ребёнком и никогда не донимала нас своим плачем и капризами. В квартире приятно пахло трубочным табаком «Золотое руно», который в то время курил Артём Михайлович. Позже, часто бывая в Финляндии, он привозил не менее ароматные смеси. Похоже, что курящие Саша и Володя дома не курили. Но это мне только показалось. После первых двух рюмок все мужчины закурили. Кроме меня. Я тогда ещё не курил; так, иногда баловался.

За праздничным столом сидела и тоненькая, серьёзная, малоразговорчивая жена Саши – Лена. В ней ощущалась, казалось бы, беспричинная невесёлость. Возможно, Лена чувствовала уже краткость своей совместной жизни с Саней. А может, и ещё что-то. Шёл вполне светский разговор о наших университетских делах: о том, что универу присвоили имя Отто Вильгельмовича Куусинена (он умер два года назад), а у горсовета собираются ставить памятник славному карело-финскому деятелю и столь же славному деятелю Коминтерна. Артём Михайлович неожиданно для меня побагровел и со злостью сказал что-то вроде:

– Этому палачу! Сколько он карел погубил.

А дальше Ортё пообещал на открытие памятника прихватить корзину тухлых яиц и забросать ими видного коминтерновца. Позже открытие всё-таки состоялось, а Ортё Степанов на нём, как мне кажется, не был замечен.

Зато лет через десять анонсированный поступок классика совершили совсем другие люди. Однажды по набережной прогуливались двое чуть подвыпивших молодых людей: Миша Баш-

нин, бард, поэт, позиционирующий себя вепским поэтом, и Андрюша Скоробогатый, человек многих талантов – и писательских, и художнических. Увидев у подножия памятника корзину с цветами, на Мишу накатило. Он с криком: «Палач карельского народа!» рванулся к корзине и начал играть ею в футбол. У Андрюши тоже зачесались ноги, но он не успел. Он увидел три фигуры, бегущие по направлению к ним, которые, подбежав, быстро скрутили хулиганов. Одним из тех трёх оказался полковник милиции.

Об инциденте сообщили Первому секретарю Карельского обкома КПСС И.И. Сенькину. Судили ребят за злостное хулиганство, но никак не за политику. Хрустальная мечта Ортё Степанова наконец-то осуществилась.

Я думаю, что никто не осудит разгорячившегося классика советской многонациональной литературы за то, что не смог он лично совершить обещанное. Естественно, сделать это не позволили внутреннее (крестьянское) и внешнее (приобретённое) воспитание, общественное положение, надежды на улучшение писательской карьеры, провинциализм места действия и страх за себя и семью, хотя именно страх я ставлю на последнее место. Ортё Степанов не был трусом.

Дальше Артём Михайлович рассказал о своей первой встрече с О.В. Куусиненом, которая его сначала сильно озадачила.

Во время советско-финляндской войны в конце 1939 года Ортё служил в Красной армии в полку, набранном в основном из карел. Полк базировался в Ленинграде

– И вот однажды к нам в казарму приходит Отто Куусинен и на своём плохом русском начинает вещать о том, что мы должны освободить наших братьев по классу в Финляндии и поэтому должны вступить в Финскую народную армию. Ну, думаю, вляпался я в какую-то авантюру, придуманную Куусиненом. Я же присягу давал Красной армии. Бочком-бочком к выходу, а меня за шкуру – и снова в казарму. Не сразу, но до меня всё-таки дошло, что это не куусиненская придумка, а нечто, задуманное на государственном уровне. Переодели нас в какую-то нелепую форму (*форма солдат польской армии, захваченная во время присоединения к СССР осенью 1939 г. территории Западной Украины и Западной Белоруссии. – Б.Г.*). Идём по городу с песней «Принимай нас, Суоми-красавица». Народ от нас шарахается. Кто такие, мол. К

счастью для всех, наша Финская народная армия до Суоми не дошла.

Полк, в котором служил А.М. Степанов, не успел принять участие в военных действиях. Мне кажется, что ему была уготована участь войти победителем в Хельсинки.

После оценки роли О.В. Куусинена в карело-финской истории наша застольная беседа снова перешла в обычное бытовое внеисторическое русло. Пили аккуратно. Никто не перебирал. Мы же с Виолой больше налегали на закуску. Я боялся выпить больше, чем следует. Это время было для нас достаточно тяжёлым: жили только на мою стипендию и небольшие переводы, которые присылала мне мама. Так что радость наша была ещё и гастрономической. А на столе было на что посмотреть и чем закусить. Присутствовали традиционный оливье, колбаска, сыр и т.д. Но главное – это рыбники с солёной вымоченной щукой, жареная рыба и, конечно же, горячие калитки. Я, помню, налёг на щуку. А чай был с морошковым вареньем, которое, как и солёная рыба, было привезено из Калевалы.

– Саня, а ёлку, такую красавицу, вы тоже из Калевалы привезли? На базаре такую не купишь.

– Ты что, я взял топор да вышел погулять. И – пожалуйста, ёлка. Темновато только в лесу было. Да это мелочи. Лес-то рядом.

В гостях у Степановых мы ощутили искреннее душевное тепло.

Вечер остался в памяти на всю жизнь ещё и

потому, что больше мне ни разу не пришлось встретиться с Артёмом Михайловичем.

А с Сашей и Володей мы поддерживали дружеские отношения вплоть до их ухода.

Наследником всех лучших традиций древнего карельского рода Степановых стали младший сын Михаил и его жена Ольга. Это их интеллектуальными и физическими усилиями на родине Орьтё Степанова создан музей-заповедник «Деревня Хайколя», музей этнической истории, хозяйственного и повседневного быта и традиционной культуры северных карел. Мы по-прежнему дружим со Степановыми.

Борис Александрович ГУЩИН

(род. в 1941 г.).

Долгое время работал старшим научным сотрудником

*Государственного историко-архитектурного
и этнографического музея-заповедника «Кижы».*

Историк, этнограф, писатель, театральный критик,

член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.

*Автор книг «Не только о Кижях. (Картинки прошлого,
повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),*

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.),

*«Любите ли вы театр?.. А цирк?..» (повести, рассказы,
воспоминания, пьеса, отзывы на спектакли) (2015 г.).*

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живёт и работает в Петрозаводске.

